

Ю.В. Кузьмин

*доктор исторических наук, профессор,
Байкальский государственный университет экономики и права*

ИСТОРИЯ МОНГОЛИИ И РУССКО-МОНГОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РАБОТАХ Н.П. ШАСТИНОЙ (1898–1980)*

Шастина Нина Павловна (1898–1980) — крупный российский ученый-монголовед, автор более 80 публикаций по истории и историографии Монголии. Значительную часть своей творческой, научной жизни прожила в Монголии, Ленинграде и Москве. Однако она родилась в Иркутске, получила здесь среднее и высшее образование и в 1943–1945 гг. работала в Иркутском университете, поэтому, мы имеем несомненное право, считать ее иркутским монголоведом. Тем более, Н.П. Шастина передала свой глубокий интерес к Монголии и монголоведным исследованиям студентке Е.М. Даревской, которая стала своеобразной преемницей монголоведных исследований в Иркутске.

Ее творческая карьера вполне состоялась, была защищена кандидатская диссертация, она работала старшим научным сотрудником в Институте Востоковедения. К сожалению, подготовленная докторская диссертация по историографии русского монголоведения оказалась незавершенной и незащищенной. Вклад Н.П. Шастиной в изучение истории российского монголоведения очень весом и значителен, до сих пор он не превзойдет и остается лучшим на сегодняшний день. Творческие биографии российских монголоведов: Н.Я. Бичурина, А.М. Позднеева, Б.Я. Владимирцова сохраняют до сих пор свою научную значимость. Историографические обзорные статьи российского и советского монголоведения являются опорными для современных исследователей и обильно цитируются и используются. В историографических очерках российского монголоведения, в исследованиях истории монгольской церковной организации, истории монгольского летописания, истории праздника Цам постоянно упоминается весомый вклад Н.П. Шастиной.

Нам известны две публикации К.Н. Яцковской, изданные к 100-летию ученого. В 1994 г. московским монголоведом К.Н.Яцковской были опубликованы две ранние научные работы Н.П. Шастиной: «Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе», «Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд», написанные еще в Монголии в 1929 г. Известно, что сохранились в архиве дневники Н.П. Шастиной, которые изучала известная исследовательница истории Монголии И.И.Ломакина. Нами также к юбилею Н.П. Шастиной была подготовлена ее краткая научная биография¹.

В 2004 г. в монографии Ю.В. Кузьмина «Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг. исследователи и книги» помещен очерк о творческой деятельности Н.П. Шастиной.

В 2008 г. был издан сборник статей «Цендийн Дамдинсүрэн: к 100-летию со дня рождения» (подготовлен к изданию профессором А.Д. Цендиной), в котором неоднократно упоминается Н.П. Шастина. Также в сборнике опубликована работа Н.П. Шастиной «Легенда о Гэсэр-хане в монгольской письменной традиции».

К 110-летию со дня рождения Н.П. Шастиной в Иркутском государственном педагогическом университете была проведена международная научная конференция, посвященная ее творческому наследию. Были опубликованы специальные статьи Т.А. Крючковой (Материал к родословной фамилии Шастиных в Иркутске), К.Н. Яцковской (Из личного архива Н.П. Шастиной), Т.Б. Тагаровой (Фразеологические единицы «Шаратуджи» — монгольской летописи XVII в.), Ю.В. Кузьмина (Н.П. Шастина — историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии). Целый ряд докладов был посвящен сюжетам, связанным с научным наследием Н.П. Шастиной.

* Печатается при финансовой поддержке проектов РГНФ № 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века: история, политика, экономика» (номер регистрации в ФГАНУ ЦИТиС 115041370110) и № 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

Н.П. Шастина родилась 19 декабря 1898 г. в семье П.Н. Шастина — известного иркутского врача, который положил начало династии врачей Шастиных, три поколения которых плодотворно работали в Монголии, его имя носит одна из крупных больниц города Улан-Батора, около нее расположен бюст этого известного врача. Ее отец — П.Н. Шастин в 1923 г. приехал в Монголию, где проработал 14 лет, открыл первую больницу и амбулаторию в стране, которые он и возглавлял. Длительное время в Монголии всех советских врачей называли «Шастин-доктор», что свидетельствует о его широкой популярности в стране. В 1934 г. П.Н. Шастин был награжден правительством Монголии орденом Трудового Красного Знамени, в 1961 г. городской больнице Улан-Батора было присвоено имя П.Н. Шастина.

Род Шастиных хорошо известен в Восточной Сибири и Иркутске, из него вышло много православных священников, врачей, преподавателей и общественных деятелей. По данным историка, доктора исторических наук С. Гольдфарба, Павел Николаевич Шастин родился в семье священника Николая Иакинфовича Шастина. Знаменательно, что Н.И. Шастин также был причастен к монгольскому языку и монгольской культуре. В 1890 г. он был слушателем монгольского отдела миссионерских курсов Казанской духовной академии.

Павел Николаевич родился 10 февраля 1872 г., первоначальное образование получил в Иркутской мужской гимназии. В 1890 г. вместе с отцом и младшим братом Михаилом переехал в Казань. В это время его отец учился на двухгодичных курсах при Казанской духовной академии. Позднее туда же поступил и его сын Павел, но за участие в студенческом движении его отчислили.

Позднее Павел становится вольнослушателем медицинского факультета Казанского университета, затем получает частную стипендию и учится на медицинском факультете Томского университета. В 1896 г. он становится ординатором Ивано-Матренинской больницы, затем врачом Кузнецовской больницы и преподавателем медицины в местной семинарии. Он становится известным иркутским врачом, хирургом и совершенствуется в Петербурге. В 1914 г. становится председателем правления Общества врачей Восточной Сибири. Был награжден за врачебные успехи орденами Свя-

того Станислава и Святой Анны². В 1923 г. по приглашению Монгольского правительства П.Н. Шастин приезжает в Монголию и создает там современные европейские медицинские учреждения: медицинские пункты и больницу. Авторитет Шастина — врача был настолько велик в Монголии, что всех врачей в Монголии называли «Шастин-врач». Его именем позднее назвали больницу и поставили памятник.

Н.П. Шастина училась в иркутской гимназии, которую окончила с золотой медалью. В 1923 г. Н.П. Шастина окончила педагогический факультет Иркутского госуниверситета. Во время учебы в университете молодую студентку больше всего интересовали классическая литература, она принимала активное участие в поэтическом объединении «Барка поэтов». В этот кружок входили В. Преловский, С. Алякринский, Е. Титов, А. Мейсельман, М. Имрей, А. Шостакович, Н. Шастина. Они стремились к чистому эстетическому творчеству, сторонились идей и идеалов современности. Это было литературное объединение, противопоставленное пролетарским и революционным литературным сообществам. Как в советское время написал профессор В.П. Трушкин: «Формирование молодой советской литературы в Сибири проходило в борьбе и противоречиях. Илховцы (литературно-художественное объединение пролетарских поэтов. — Ю. К.) вынуждены были преодолевать чуждые эстетические влияния и концепции, которые они испытывали со стороны старшего поколения литераторов, группировавшихся в кружке под названием “Барка поэтов”, отражавшем во многом отжившие, эстетические, порой явно декадентские тенденции в искусстве»³. Разумеется, сегодня оценки “Барки поэтов” кардинально изменились. Переизданы отдельные книжки членов этого сообщества. Н.П. Шастина пробовала сама писать стихи. Ее научные интересы находились тогда в области классической исторической науки, она серьезно интересовалась египтологией и планировала посвятить этому свою жизнь⁴. В это время в Иркутске, как известно, находилось и преподавало несколько известных ученых из Москвы и Петербурга, которые могли привить такой интерес. Так, в 1918–1921 гг. в Иркутском университете тогда преподавал известный ученый И.Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), автор специальных

работ по египтологии: «Памятники египетской религии в фиванский период» (1917), «Религия Амона и Ветхий завет» (1921). Большую заинтересованность она проявляла к истории религии, поэтому в дальнейшем ее так серьезно привлечет ламаистская религия, мистерия Цам, тибетские и монгольские буддийские древности. Н.П. Шастина получила классическое гуманитарное образование, хорошо знала европейские языки, что в дальнейшем поможет ей стать высоким профессионалом-монголоведом. Однако, никакого интереса к Монголии, ее культуре она не испытывала.

В одном из стихотворений поэта «Барки поэтов» Андрея Шостаковича, посвященном Нине Павловне Шастиной мы сегодня читаем:

Вы любите старинные романы,
маленькие томики в шагреновой коже,
где признанья в любви так медлительно
странны,

где «т» и «ш» друг на друга похожи,
где цыгане всегда похищают ребенка,
но Рука Провиденья ведет по бродяжным
дорогам,
где борзые залают порывисто-звонко,
узнав его у родного порога,

где нежные леди под розовым зонтиком,
глаза опускают при встрече низко,
где капитаны, играя кортиком,
с содовой водой пьют жгучий виски,

где гувернантки с изящною грацией
смущают лордов любви вопросами,
где в старом парке желтеют акации,
рукою садовника искусно причесаны,

где в маленькой нищенке примут участие,
несколько влиятельных лиц,
где все кончается к общему счастью
в десяти томиках по двести страниц.

1921 г.⁵

Н.П. Шастина входила в состав правления «Барки поэтов». Из воспоминаний поэта М.М. Скуратова известно, что молодая поэтесса писала о французских маркизах и виконтах, о галантном восемнадцатом веке. Писала до тех пор пока ее тетрадь, забытая на крыльце отеческого дома, не была сжевана короной, отчего Н.П. Шастина упала в обморок.

В 1924 г. Н.П. Шастина приезжает к своему отцу в Монголию, где будет жить и рабо-

тать 13 лет. Позднее она вспоминала: «Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первые впечатления от Урги было — XVII в. Вот куда я попала — из XX прямо в XVII в. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными оттого, что лиственничные бревна поставлены торчком, кривые улочки переулки, где царствуют собаки, монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры»⁶.

От занятий египтологией пришлось отказаться и заняться буддологией, историей монгольской традиционной культуры и ламаистской церкви. Здесь она работает в Ученом Комитете, изучает монгольский и тибетский языки, буддийские храмы, восточную философию и литературу Монголии, публикует свои первые статьи. Первоначально она работала в библиотеке и начинала знакомиться с письменной культурой монголов.

В 20-е гг. в Монголии работало несколько научных экспедиций Н.К. Рериха, П.К. Козлова, было сделано немало археологических открытий мирового уровня, которые и обратили внимание молодой выпускницы Иркутского университета. Несомненно, что яркие личности выдающихся исследователей кочевой цивилизации и традиционной культуры монголов изменили отношение Н.П. Шастиной к истории Монголии и привлекли ее внимание. В этот период в Монголии работала целая плеяда молодых монголоведов — ярких и неординарных, которые заявили о себе значительно позднее в монголоведении. Это А.Д. Симук, В.А. Казакевич, А.Д. Каллиников, С.А. Кондратьев, с которыми она встречалась и общалась. Пока об этом известно очень мало, но необходимы дополнительные поиски.

В доме П.Н. Шастина бывали и известные политические деятели того времени: Э. Ринчино, А. Амагаев, Т. Рыскулов, А. Старков, которые проявляли серьезный интерес не только к современным процессам в стране, но историческому прошлому Монголии. Первоначальное теоретическое предложение о знакомстве и общении Н.П. Шастиной и Э.Д. Ринчино подтвердилось обнаруженной фотографией 1925 г., на которой изображены П.Н. Шастин, Н.П. Шастина, Э.Д. Ринчино, М.Н. Ринчино и двое их детей. Семья Э.Д. Ринчино перед отъездом из Монголии в 1925 г. На фото хорошо видно, что

эти семьи связывают неформальные и дружеские отношения.

Известный путешественник П.К. Козлов в «Дневниках Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.» неоднократно отмечает встречи с отцом Н.П. Шастиной и Н.П. Шастиной. Так, она знакомится с выдающимися исследователями Монголии, узнает из первых рук о научных открытиях Ноин-Ульских курганов, исследовании Хара-хото. В экспедиции П.К. Козлова принимали участие известные ученые: С.А. Кондратьев (1896–1970), возглавлявший археологические раскопки и занимавшийся исследованием музыкального фольклора монголов; Н.В. Павлов (1893–1971), известный ботаник, автор книги «По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг.» (1930); А.Д. Симуков (1902–1942), автор исследований по географии Монголии. Некоторые из них, после завершения экспедиции Козлова остались в Монголии и работали в Ученом комитете Монголии и сотрудничали с Н.П. Шастиной. Это были увлеченные изучением Монголии ученые, которые, несомненно, повлияли на формирование научных взглядов молодой исследовательницы. В дневнике С.А. Кондратьева за 1924 г. отмечается следующее: «...Еще новая фигура — Нина Павловна Шастина — милая барышня, пишущая стихи». Позднее, они станут, видимо, друзьями, и монгольские дневники С.А. Кондратьева окажутся в личном архиве Шастиной.

Дом врача Шастина был широко известен в Улан-Баторе и принимал всех известных путешественников и ученых, бывали в нем и известные монгольские ученые. Благодаря отцу она быстро вошла в круг российской и монгольской элиты того времени.

В 1925–1926 гг. в Улан-Баторе находилась экспедиция знаменитого Н.К. Рериха. Особый интерес к монгольской кочевой культуре проявил Ю.Н. Рерих, изучавший монгольский язык и этнографию. Позднее, было издано совместное исследование Н.П. Шастиной и Ю.Н. Рериха «Грамота царя Петра Первого к Лубсан-тайджи и ее составитель» (1960). Впервые их знакомство, творческое общение состоялось в 20-е гг. и продолжалось в последующие годы.

В Монголии она работает рядом с очень известными монгольскими учеными и советскими

специалистами-монголооведами: Ц.Ж. Жамцарано, Б. Барадиным, Г.Ц. Цыбиковым, А.Д. Симуковым, Э.Р. Ринчино, В.А. Казакевичем. Эта совместная работа стала для Н.П. Шастиной своеобразным монголоведным университетом. Занимается она и переводами работ известных европейских монголистов на русский язык, в частности, переводом с французского языка книги Д'Оссона. Н.П. Шастина с гимназии владела английским и французским языками, поэтому переводила для монгольских ученых труды европейских монголоведов. В Архиве Института Истории АН Монголии в 1989 г. мне неоднократно встречались переводы книг западных авторов. С 1930 г. работает в Ученом Комитете МНР, публикует свои первые научные статьи, посвященные монгольскому театру, мистерии Цам, архитектуре монгольских монастырей⁷.

Пока нам неизвестны обстоятельства изучения Н.П. Шастиной монгольского языка и традиционной монгольской письменности. Как и кто помог ей овладеть монгольским языком? Но несомненно, что в середине 20-х гг. было выявлено много оригинальных монгольских исторических источников, которые активно обсуждались в научной среде и не могли не привлечь внимание Н.П. Шастиной. Первоначально работа в библиотеке потребовала от Н.П. Шастиной описания книг и составление библиографических карточек на них. Это было невозможно без знания монгольского языка и могло быть необходимым практическим толчком для его изучения.

В 1936 г. семья Шастиных уезжает из Монголии, как и большинство других советских специалистов.

С 1937 по 1942 г. Н.П. Шастина живет и работает в Ленинграде: Библиотеке Академии Наук (БАН) и библиотеке Института этнографии АН СССР, продолжает заниматься монголоведением. Во время Великой Отечественной войны находилась в блокадном Ленинграде, продолжала работать в научных библиотеках. В 1942 г. умирает ее младший брат Леонид, а Нину Павловну вместе с другими учеными эвакуируют через Ладогу из Ленинграда (воспоминания К.Н. Яцковской).

В 1943–1945 гг. живет в Иркутске и работает преподавателем в Иркутском госуниверситете и готовит к защите кандидатскую диссертацию «Первые сношения Московского государства

с Алтын ханами Западной Монголии», которую защитила в 1950 г. в Ленинграде. Именно в это время с Н.П. Шастиной познакомилась Е.М. Даревская, студентка исторического отделения университета. Несмотря на сложные военные и послевоенные годы Н.П. Шастина проявляла глубокий интерес к театральной жизни Иркутска, часто посещала спектакли Драматического театра.

С 1950 до 1978 г. плодотворно работает в Институте Востоковедения АН СССР.

В 1958 г. в Москве издана монография Н.П. Шастиной «Русско-монгольские посольские отношения XVII века», подготовленная на основе переработанной кандидатской диссертации⁸. В ней на основе оригинальных архивных материалов, в основном Центрального государственного архива древних актов, дан развернутый анализ посольств, которыми в XVII в. обменивались Российская империя и государства Северной Монголии. Н.П. Шастина основательно проанализировала в этой монографии летописные монгольские материалы, архивы Академии наук, документы из Иркутской и Якутской приказных изб.

Н.П. Шастина внесла значительный вклад в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии — летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1973), публикует монографию «Русско-монгольские посольские отношения в XVII веке» (1958). Редкий случай в монголоведении — обычно ученый может подготовить к изданию один исторический источник, Нине Павловне удалось издать два крупных источника. За этим стоит невероятно большой труд подготовки памятника к публикации: сравнение различных редакций источника, подготовка примечаний, редакция текста, написание развернутого описания памятника. На это уходит несколько лет жизни и научной работы.

В статье «Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов» (1970, 1977) Н.П. Шастина сделала блестящий в монголоведении сравнительный анализ монгольских источников XIII и XVII вв., которыми она владела как никто из современных монголоведов. Два известных исторических источника сама ввела в научный оборот. Соавторами сборника статей являлись именитые и профессиональные востоковеды: С.Л. Тихвинский, Е.И. Кыча-

нов, И.П. Петрушевский, Л.И. Думан, Ш. Сандаг, Н.Ц. Мункуев.

Н.П. Шастина являлась крупнейшим историографом монгольской истории, ее перу принадлежит очерк «История изучения МНР» (1952), статья «Изучение истории Монголии после Октября» (1967), статьи об известных русских и советских востоковедах: И. Рассохине, И. Бичурине, В. Васильеве, Б.Я. Владимирцове, Д. Банзарове.

В статье Н.П. Шастиной «Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения» (1956) дан не только анализ научного вклада Н.Я. Бичурина в русскую науку, но и представлен обстоятельный очерк развития монголоведных исследований в XVIII — первой четверти XIX вв. Характеристика научного вклада, предшествующего Бичурину периода монголоведных исследований, дана в статье конкретно и обстоятельно, с высоким знанием темы. Российское монголоведение находилось в стадии становления как научное направление. Н.П. Шастина оценивает уровень монголоведения в России следующим образом: «Запас сведений о Монголии в конце 20-х гг. XIX в. был не так уж велик и обширен, хотя знакомство русской научной мысли с монгольскими народами началось более чем за 100 лет до появления работ Бичурина. На недостаточности сведений о Монголии сказалось отсутствие ученых, посвятивших себя этой отрасли науки. Собрание доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайные этнографические наблюдения и записи монгольских обычаев и обрядов — вот тот уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в.»⁹. В опубликованных работах о Монголии Н.П. Шастина выделяет «две линии»: исследования немонголоведов и монголоведов. Так, называемая случайно обратившиеся к истории монгольских народов: П.С. Паллас, И.Ф. Миллер, И.Г. Фишер, И.Г. Гмелин. Второе направление связано с именами монголистов, знатоков монгольского языка и Монголии, которые «в большинстве случаев не были учеными, но зато по характеру своей основной работы сталкивались с вопросами монголоведения (В.М. Бакунин, А.В. Игумнов, И.Я. Шмидт). Значительное внимание было уделено литературной борьбе

между Бичуриным и Клапротом, между Бичуриным и Шмидтом. По мнению Н.П. Шастиной, «Бичурин не раз выступал в защиту русского монголоведения, борясь против некоторых попыток иностранных ученых, в том числе и находившихся на службе в России, принизить достоинство русской науки»¹⁰.

В статье, посвященной научному вкладу в монголоведение Шмидта, был вынесен излишне суровый вердикт качеству работ ученого: «...большинство работ Шмидта не выдержало строгой оценки времени и устарело или справедливо забыто. Его перевод знаменитой феодальной летописи Саган-Сэцэна не выдерживает критики. Опубликованный им монгольский текст летописи полон искажений и ошибок»¹¹. Современные исследователи истории монголоведения и востоковедения, например, в коллективной работе «История отечественного востоковедения» следующим образом оценивают научный вклад ученого: «Шмидт во многом определил дальнейшее направление научных поисков последующих поколений монголоведов в России»¹².

Н.П. Шастина также относила Шмидта к «если не открыто, то близким к реакционным кругам», противопоставлявшим себя русским востоковедам как представитель немецкой школы, царившей в Академии наук. По мнению Н.П. Шастиной, Шмидт «откровенно высказывал пренебрежительное отношение к русским востоковедам, считая, что вопросы монголистики вправе решать только он один»¹³. Н.П. Шастина признает достоинства ученого, считает его человеком очень способным и для монголоведения сделавшим немало, «главным его достоинством было хорошее знание современного ему монгольского языка. Использование монгольских источников является заслугой Шмидта, до него большинство работ было основано не на непосредственных знаниях монгольских источников, а не материалах, полученных из вторых или третьих рук. Однако в работах Шмидта, по мнению Н.П. Шастиной, «много недостатков, искажений и ошибок»¹⁴. Его работам «свойственна ограниченность, как в попытках постановки вопросов, так и в способах их разрешения. Он некритически подходил к тексту, поэтому пользовался опубликованными им материалами необходимо с осторожностью».

Критические замечания в адрес академика Шмидта ранее были высказаны еще Д. Банзаровым. Он упрекал Шмидта за излишне «вольный перевод» Чингисова камня, говорил об изменении словарного запаса, строя языка, его исторической эволюции — историческом подходе к языку. В 50–60-е гг. XX в. в ряде публикаций Г.И. Михайлова, Н.П. Шастиной вновь проявилось негативное отношение к личности И.Я. Шмидта и его трудам и противопоставлял его «прогрессивным ученым»: П.С. Савельеву, В.В. Григорьеву, О.М. Ковалевскому. Филолог Г.И. Михайлов критиковал подход Шмидта к изучению монгольского языка. По его мнению, Шмидт искал в монгольском языке те же явления, какие имелись в индоевропейских языках и «подгонял под нормы европейских языков и те факты, которые явно в эти рамки не уместались»¹⁵.

Она принимала участие в подготовке крупных коллективных работ: однотомника «История МНР», шести выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953–1963), переиздании «Истории монголов» и «Путешествий в восточные страны» Плано Карпини и В. Рубрука (1957). Всего опубликовано более 80 статей.

Н.П. Шастина проделала колоссальную работу при подготовке к печати книги П. Карпини и В. Рубрука. Была написана развернутая вступительная статья, осуществлена редакция основного текста (было несколько вариантов), а также примечания. Осуществлена значительная творческая работа с большим объемом источниковедческой и историографической исследовательской работы. Были сопоставлены различные списки источников, различные переводы источников на европейские языки, дана критическая оценка качества списков и переводов. Это объемная работа, которая явно занимала Н.П. Шастину не один год творческих поисков. Это потребовало высокой эрудиции и настойчивости в поиске нужной информации.

По мнению Н.П. Шастиной, лучший перевод Плано Карпини с латинского языка дал А.И. Малеин, издавший его в 1911 г. Она представляет в предисловии обстоятельный очерк истории изучения данного исторического источника с XIII по XIX в. Она считала, что сочинение П. Карпини дошло до нас в нескольких редакциях. Еще в XIII в. оно неоднократно

переписывалось, так вызывало неизменный интерес у образованных людей того времени. Существование двух редакций одной краткой, другой более подробной, подтверждается признаниями самого автора. По данным Н.П. Шастиной, до нас дошло пять рукописных копий: Лейденская рукопись, рукопись Кэмбриджского университета, две рукописи находятся в национальной библиотеке Парижа, одна в Британском музее. Шестая рукопись была обнаружена в библиотеке Иркутского университета академиком М.П. Алексеевым (7, 8, 9 глав).

Она показала изучение П. Карпини и В. Рубрика в российской и западной историографии. Представлена характеристика публикаций текстов английском, немецком и французском языках первой половины XX в. И это просто обзор, а анализ качества и уровня изучения. Из иностранных изданий П. Карпини Н.П. Шастина позитивно выделяет французское издание текста и перевода Д. Авезака в 1839 г., английское издание Бизли в 1903 г., А. Ванден-Вингарта (1929). По мнению Н.П. Шастиной, ряд новых зарубежных изданий не выдерживает научной критики и не дают «нового, по сравнению со старыми публикациями и повторяют устаревшие примечания без учета новых исследований» (С. 12). К таковым изданиям относится немецкое издание Фридриха Риша (1930). «Оно снабжено многочисленными примечаниями, построенными, к сожалению, на материалах, во многом уже утративших свою ценность. В наше время, когда историческая и востоковедная наука шагнули далеко вперед, когда поднято и изучено много новых источников на восточных языках, когда проведены грандиозные археологические исследования, при каждом издании путешествия П. Карпини следует использовать последние научные достижения, которые помогут лучше комментировать давно известный текст» (С. 12).

Часть материалов осталась в рукописях. В Некрологе указано, что Н.П. Шастина подготовила докторскую диссертацию, посвященную истории русского монголоведения. По количеству публикаций, посвященных данной теме, видно, что работа была готова к защите. Каждая статья, посвященная русскому монголоведению, имеет самостоятельную оценку научного наследия, а также показывает отношения монголоведов между собой. Оценки самосто-

ятельные и оригинальные. В 80–90-е гг. было опубликовано несколько статей других авторов, которые явно не дотягивают до уровня публикаций Н.П. Шастиной. Можно только догадываться, почему не состоялась защита докторской диссертации. Судьба рукописи пока нам также неизвестна.

Некоторые статьи Н.П. Шастиной публикуются и сейчас, что свидетельствует, что их основные положения и выводы не устарели. Так, в коллективной работе «Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.)», опубликованной в 1997 г. в Улан-Удэ, статья о выдающемся монголоведе XX в. Б.Я. Владимирцеве подготовлена на материале Н.П. Шастиной¹⁶; а в 2003 г. в Санкт-Петербурге опубликована обширная работа о самом крупном российском монголоведе России А.М. Позднееве¹⁷.

Высоко оценивается роль А.М. Позднеева, как ведущего монголоведа России. Она пишет: «Отличаясь необыкновенным трудолюбием, Позднеев создал ряд фундаментальных трудов, общее число которых — 122 названия, из них 17 монографий, общим объемом около 400 печатных листов, что уже одно свидетельствует о широком круге разных вопросов и большом фактическом материале. Кроме того, Позднеев был хорошим организатором учебного дела. Благодаря его энергичным действиям возник Восточный институт во Владивостоке, директором которого он был в течение нескольких лет»¹⁸.

Н.П. Шастина оказывала поддержку иркутским монголоведам. Так, в письме Е.М. Даревской от 4 августа 1972 г. она написала: «Наконец-то я прочла внимательно Вашу работу и пришла к выводу, что Вы сделали отличную диссертацию и Вам ее нужно защищать. Собран огромный материал, свежий, новый. Оформлен хорошо. Все в порядке и Вы больше не тяните. Ставьте на защиту или у себя, или у нас... Провернув такую массу работы, найдя столь много свежего материала, нельзя не защититься. Таково мое мнение. Да это же настоящий вклад в науку!»¹⁹.

Таким образом, мы видим, что в творчестве Н.П. Шастиной нет ничего случайного, а четко прослеживается несколько тем ее научных поисков и исследований: история ламаистской церкви, русско-монгольские отношения XVII в., источниковедение и историография Монголии, история русского монголо-

ведения. Наибольший интерес она проявляла и исследованию исторических монголоведческих исследований, здесь она является первопроходцем и новатором.

Н.П. Шастина прожила уникальную творческую жизнь ученого-монголоведа. Она получила классическое гуманитарное образование в Иркутском университете, в период, когда в нем работали крупные ученые из Москвы и Петербурга, сформировалась как творческий человек. В Монголии 20–30-х гг. она изучила монгольский и тибетский языки, по сути, получила второе востоковедное образование, общаясь с Н.К. Рерихом, Ю.Н. Рерихом, П.К. Козловым. Ц. Жамцарано, А. Симуковым, В. Лисовским и др. Общение с выдающимися советскими монголоведами, большинство которых было репрессировано в 1937–1938 гг., стало настоящим «монгольским университетом». В 1936 г. П.Н. Шастина и его семью высылают из Монголии. Ее в меньшей степени затронуло распространение «марксизма» в монголоведении. По сути, можно обобщить, что в советском монголоведении существовало и жило классическое российское монголоведение, которое бережно относилось к дореволюционному классиче-

скому наследию, изучались «Гэсэр», «Джангар», «Сокровенное сказание», монгольские летописи. В Монголии также работали ученые, продолжавшие эту линию в науке: академики Ц. Дамдинсурэн, Ш. Бира, Б. Ринчен и др., которые поддерживали советских ученых, в том числе и Н.П. Шастину. Также она поддерживала творческие связи с зарубежными учеными, была в курсе монголоведческих исследований на Западе. У нее нет конъюнктурных работ, посвященных юбилейным датам в истории МНР и МНРП, нет пустого словословия о современных политиках Монголии и советско-монгольской дружбе. Хотя по делам и реальному отношению к науке Н.П. Шастина являлась настоящим патриотом своей страны и большим другом монгольского народа. В Монголии также сняты документальные фильмы о семье Шастиных, опубликованы статьи и разделы в монографиях и коллективных работах.

Качество и объем исследовательской работы, выполненной Н.П. Шастиной, поражают современного исследователя. Высокая культура исследования, точность и скрупулезность научных выводов ученого заслуживают глубокого уважения и почтения.

Примечания

¹ Яцковская К.Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н.П. Шестиной (1898–1980) // Монголика — III. Из архивов отечественных монголоведов XIX — начало XX вв. - Санкт-Петербург, 1994. С. 23–25; Кузьмин Ю.В. 95-летие со дня рождения Н.П. Шестиной // Bulletin International Association for Mongol Studies. 1993. № 2 (12). Р. 89; Кузьмин Ю.В. Нина Павловна Шастина — исследовательница Монголии // Тальцы. 2002. № 1(13). С. 22–26; Кузьмин Ю.В. Монголоведческие исследования Н.П. Шестиной // Россия и Восток: взгляд из Сибири на начале тысячелетия: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2002. С. 135–139.

² Гольдфарб С. Час выбора. Анатолий и Елена Шестины в Иркутске. Иркутск, 2000. С. 19.

³ Литературная Сибирь: Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Иркутск, 1988. С. 3.

⁴ Яцковская К.Н. Указ. соч. С. 23.

⁵ Шостакович А. Гаснувший терем. Иркутск, 2000. С. 26.

⁶ Книга братства. М., 1971. С. 196.

⁷ Шастина Н.П. Религиозная мистерия «цам» в монастыре Дзун-хуре // Современная Монголия. 1935. № 1.

⁸ Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М., 1958. 175 с.

⁹ Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1956. С. 182.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ Шастина Н.П. Эпиграфика в работах Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1955. С. 51.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 36.

¹⁶ Шастина Н.П. Б.Я. Владимирцов // Российские монголоведы (XVIII — начало XX в.). Улан-Удэ, 1997. С. 141–145.

¹⁷ Шастина Н.П. А.М. Позднеев. Подготовка к печати, примечания. А.Г. Сазыкина // Mongolica-6. СПб., 2003. С. 7–18.

¹⁸ Там же. С. 7.

¹⁹ Личный архив Е.М. Даревской (г. Иркутск).

**Список опубликованных работ по истории, историографии,
источниковедению и культуре Монголии Н.П. Шастиной**

1. Первые сношения Московского государства с Алтын ханами Западной Монголии: канд. ист. наук / Институт Востоковедения АН СССР. — Ленинград, 1950. — 281 с.
2. Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. — М.; Л., 1949. — Т. 6. — С. 383–395.
3. История изучения Монгольской Народной Республики. (Краткий очерк) // Монгольская Народная Республика: сб. ст. — М., 1952. — С. 15–55.
4. Перевод И. Рассохина по истории монголов конца XVII в. // Ученые записки Института Востоковедения (АН СССР). М.; Л., 1953. — Т. 6. — С. 200–211.
5. О монгольском эпосе «Гэсэр» // О характере бурятского эпоса «Гэсэр». — Улан-Удэ, 1953. — С. 146–165.
6. История Монгольской Народной Республики. — М., 1954. — 422 с. (член авт. кол. с сов. стороны и ред.).
7. Эпиграфика в работах Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова: материалы науч. сессий и ст. — Улан-Удэ, 1955. — С. 47–59.
8. Выступление кандидата исторических наук Н.П.Шастиной // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова: материалы науч. сессий и ст. — Улан-Удэ, 1955. — С. 175–177.
9. Значение трудов Н.Я.Бичурина для русского монголоведения // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — С. 181–197.
10. Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2. — М., 1956 (ред.).
11. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Изд. вост. лит., 1956 (вступит. ст. — с. 3–20; прим. — с. 195–266; ред.).
12. Письма Лубсан-тайджи в Москву. Из истории русско-монгольских отношений в XVII в. // Филология и история монгольских народов. — М., 1958. — С. 275–288.
13. Русско-монгольские посольские отношения XVII века. — М.: Изд. вост. лит., 1958. — 173 с.
14. Грамота царя Петра I к Лубсан-тайджи и ее составитель // Проблемы востоковедения. — 1960. — № 4. — С. 140–150 (Соавт. Ю.Н. Рерих).
15. Монгольская летопись XVII века // Народы Азии и Африки. — 1961. — № 4. — С. 188–194.
16. Из переписки О.М. Ковалевского с бурятскими друзьями // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. — Улан-Удэ, 1962.
17. Изучение истории Монголии после Октября // Народы Азии и Африки. — 1967. — № 4. — С. 6–74.
18. История Монгольской Народной Республики. — М., 1967. — 537 с. (член авт. кол. с сов. стороны, ред.).
19. Предисловие // Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. — Новосибирск, 1968.
20. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. — М., 1970. — С. 435–454.
21. В.П. Васильев как монголовед // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 4. — Улан-Удэ, 1970. — С. 12–17.
22. Повесть о споре мальчика-сироты с девятью витязями Чингисхана // Страны и народы Востока. Вып. 1. М., 1971. — С. 127–139.
23. Из воспоминаний о Монголии // Книга братства. — М.; Улан-Батор, 1971. — С. 196–208.
24. История Монгольской Народной Республики. — М., 1983. — 661 с. (член авт. кол. с сов. стороны).
25. А.М. Позднеев (подгот. к печати, прим. А.Г. Сазыкина) // MONGOLICA-6. Посвящ. 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева / сост. И.В. Кульганек. — СПб., 2003. — С. 7–23.
26. Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе (очерк) // MONGOLICA-3. — СПб., 1994. — С. 26–27 (написана в 1929 г.)
27. Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд» // MONGOLICA-3. — СПб., 1994. — С. 28–34.
28. Профессору Г.Д. Санжееву — 70 лет // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. — М., 1977. — С. 5–11.
29. Следы примитивных религий в ламаистской мистике Цам // Исследования по восточной филологии. К 70-летию проф. Г.Д. Санжеева. — М., 1977. — С. 306–318.
30. Круговращение Майдари // Современная Монголия. — 1935. — № 5. — С. 106–107.
31. Изучение монгольских летописей в СССР. — М., 1963.
32. Основная литература о Монголии // Современная Монголия. — 1933. — № 1. — С. 82–94; № 2. — С. 92–105.
33. Книжные и журнальные новости о Монгольской Народной Республике // Современная Монголия. — 1935. — № 4. — С. 106–114.
34. Материалы по библиографии Монголии // Современная Монголия. — 1935. — № 4 (11). — С. 94–113.

35. Обзор литературы о Монголии за 1935 год // Современная Монголия. — 1936. — № 6 (19). — С. 94–113.
36. Очерки монгольского театра // Современная Монголия. — 1935. — № 3. — С. 91–106.
37. «ЦАМ» (праздник в ламайских монастырях Монголии) // Хозяйство Монголии. — 1928. — № 4 (11). — С. 79–83.
38. Цохчин в праздничные дни // Хозяйство Монголии. — 1928. — № 4 (11). — С. 79–83.
39. Надом // Современная Монголия. — 1934. — № 3 (6). — С. 68–85.
40. Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931) // Филология и история монгольских народов. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова. — М., 1958. — С. 3–11.
41. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Монголо-татары в Азии и Европе: сб. ст. Изд. 2. — М., 1977. — С. 462–483.
42. Б.Я. Владимирцов // Российские монголоеды (XVIII — начало XX в.). — Улан-Удэ, 1997. — С. 141–145.
43. Монгольский сборник назидательных произведений // Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения (публ. А.Д. Цендиной). — М., 2008. — С. 236–249.